

генри хазлитт

ЭКОНОМИКА ЗА ВЕЧЕР

+

=

продано
более
1 миллиона
экземпляров

все заблуждения
о богатстве, инфляции
и твоей зарплате

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Экономика для всех. Разбираешься в
экономике – повышаешь качество жизни!

Генри Хазлитт

**Экономика за вечер. Все
заблуждения о богатстве,
инфляции и твоей зарплате**

«ЭКСМО»

1946, 1962, 1979

УДК 33
ББК 65

Хазлитт Г.

Экономика за вечер. Все заблуждения о богатстве, инфляции и твоей зарплате / Г. Хазлитт — «Эксмо», 1946, 1962, 1979 — (Экономика для всех. Разбираешься в экономике — повышаешь качество жизни!)

ISBN 978-5-04-205213-2

Эта книга — самый короткий и простой путь к пониманию экономической теории. Всемирно известный журналист и сторонник «австрийской школы» Генри Хазлитт не без едкой иронии в пух и прах разбивает учения, на которых сейчас строят свою политику все развитые и развивающиеся страны. Досталось всем — Марксу, Кейнсу, и даже Адаму Смиту. Препарируя «травмы американского капитализма», автор на реальных кейсах разоблачает ошибки экономической политики США и показывает наглядно, как выбраться из клубка противоречивых заблуждений политиков и ученых, чтобы предотвратить новую Великую депрессию. Хазлитт разобрался сам и предлагает за один вечер разобраться вам: • Откуда берется инфляция и почему это «опиум для народа». • Чем опасны «вертолетные деньги» и госрегулирование цен. • Почему таможенные пошлины — это зло. • Что не так с вашей зарплатой и кого кормят налоги. В формате А4 PDF сохранён издательский макет.

УДК 33
ББК 65

ISBN 978-5-04-205213-2

© Хазлитт Г., 1946, 1962, 1979

© Эксмо, 1946, 1962, 1979

Содержание

Предисловие к новому изданию	8
Предисловие к первому изданию	9
Введение	11
Глава I	14
Глава II	16
Глава III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Генри Хазлитт
Экономика за вечер
Все заблуждения о богатстве,
инфляции и твоей зарплате

ECONOMICS IN ONE LESSON: The Shortest & Surest Way to Understand Basic Economics

Henry Hazlitt

© 1962 and 1979 by Henry Hazlitt

© 1946 by Harper & Brothers.

© Перевод. Александрова К.А., 2024

© В оформлении обложки использованы иллюстрации: Yaroslav Shkuro, Marish, r2dpr /
Shutterstock / FOTODOM

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

+

=

Предисловие к новому изданию

«Экономика за один вечер» вышла в 1946 году. Она была переведена на восемь языков и многократно переиздавалась в мягком переплете. В переиздании 1961 года расширено содержание, обновлены библиографические ссылки и статистика. Я добавил главу о регулировании арендной платы, поскольку в первоначальной версии эту тему не обсуждал достаточно подробно, не считая госрегулирование цен.

С тех пор в книге ничего не менялось отчасти потому, что существенных причин для обновлений не было. Ведь я написал «Экономику за один вечер» не с целью оценить ущерб, который может нанести тот или иной законодательный акт, а чтобы выделить общие экономические принципы и, в случае пренебрежения ими, возможные проблемы. Несмотря на то что примеры, которые я приводил в книге, были взяты главным образом из истории США, тот вид государственного вмешательства, который я порицаю, стал до такой степени глобализирован, что многим моим зарубежным читателям может показаться, что я описываю экономическую политику их стран.

Тем не менее, спустя тридцать два года с момента первого издания, я считаю, что содержание книги нуждается в глубоком пересмотре. Поэтому помимо обновления кейсов и статистики я переписал главу о регулировании арендной платы, так как обсуждение 1961 года сегодня уже кажется неактуальным. Кроме того, я добавил новую последнюю главу под названием «Урок по прошествии тридцати лет», чтобы показать, почему этот урок сегодня гораздо более необходим, чем в другие времена.

Г. Х.

Уилтон, Коннектикут

Июнь 1978 г.

Предисловие к первому изданию

Эта книга представляет собой анализ экономических заблуждений, которые в последнее время настолько распространились, что стали бы новой религией, если бы не внутренние противоречия, которые разбросали ее сторонников на сотни различных «школ» по той простой причине, что невозможно постоянно ошибаться в том, что касается практической стороны жизни. Однако различия между этими «школами» заключаются лишь в том, что одни раньше других осознали абсурдность своих взглядов. Противоречивость состоит в том, что они либо невольно отказываются от своих ошибочных убеждений, либо, делая из них выводы, считают их менее тревожными и гротескными, чем потребовала бы логика.

Однако нет сейчас в мире такого правительства крупной страны, на экономическую политику которого бы не повлияли некоторые из этих ошибок, не говоря уже о практически полной зависимости от них. Возможно, самый короткий и верный путь к пониманию экономики заключается в разборе этих ошибок, в особенности той главной, от которой берут начало все остальные. В этом и состоит цель книги с ее амбициозным и разоблачающим названием.

Она не претендует на оригинальность изложения идей, но показывает, что многие концепции, которые теперь считаются инновационными, на самом деле являются лишь возрождением совершенных ошибок и еще одним подтверждением античной мудрости про обреченных повторять прошлое без знания его.

Эту книгу можно назвать беззастенчиво «классической», «традиционной» и «ортодоксальной». Не сомневаюсь, что именно таких эпитетов, попытались бы лишиться книгу те, чьи софизмы я здесь проанализировал. Но читатель, задавшийся целью получить наиболее правдивую информацию, не испугается этих прилагательных. Он не будет всегда стремиться к революционно «свежему началу» в экономической мысли. Конечно, его разум будет в равной степени восприимчив к новым, так и к старым идеям. Но, скорее, он отложит в сторону неугомное и показное стремление к нововведениям. Моррис Рафаэль Коэн заметил: «Представление о том, что мы можем забыть взгляды мыслителей прошлого, несомненно, не оставляет никакой надежды на то, что наша работа будет хоть как-то ценна для других».

В этой книге я излагаю мысли других, свободно и без детальных указаний (за исключением редких сносков и цитат) используя их. Это неизбежно для любого пишущего в области, в которой трудились лучшие умы мира. Но есть три автора, которых я должен упомянуть. Во-первых, я обязан, учитывая разъяснительный характер данной книги, написанному почти сто лет назад эссе Фредерика Бастиа *«Что видно и чего не видно»*. По сути, мою работу можно рассматривать как модернизацию, расширение и обобщение подхода, который использует Бастиа. Во-вторых, я обязан Филиппу Уикстиду: за его работу *«Здравый смысл политической экономики»*. В-третьих, я признателен Людвигу фон Мизесу за ту манеру, в которой он описал процесс распространения денежной инфляции.

Я подумал, что при анализе ошибок менее целесообразно упоминать конкретные имена, чем при выражении своей благодарности. В противном случае мне пришлось бы отдавать должное каждому критикуемому автору, приводить точные цитаты, учитывать, когда автор подчеркивает то или иное, давать его определения, повторять его двусмысленность, непоследовательность и тому подобное. Поэтому я надеюсь, что никто не будет особо огорчен, если не встретит в этой книге упоминаний таких имен, как Карл Маркс, Торстейн Веблен, майор Дуглас, лорд Кейнс, профессор Элвин Хансен и других. В этой книге я не ставил цели обличать определенные ошибки тех или иных мыслителей, а только анализировать экономические ошибки в их наиболее часто встречающейся, широко распространенной форме. Заблуждения в любом случае становятся анонимными, когда получают массовую популярность. Тонкости или неясности, которые можно обнаружить у авторов, наиболее ответственных за распространение

заблуждений, исчезают. Концепция упрощается; софизм, который мог бы быть похоронен в системе определений или математических уравнений, становится понятным. Я надеюсь, что не буду обвинен в несправедливости потому, что модная идея в той форме, в которой представил ее я, не повторяет в точности мысль так, как ее сформулировал, например, лорд Кейнс или какой-то другой автор. Нас интересуют убеждения политически влиятельных групп и убеждения, на основании которых действуют правительства, а не их историческое происхождение.

Наконец, я надеюсь, что читатель простит мне столь редкую статистику на страницах моей книги. Если бы я попытался представить статистические подтверждения о таможенных тарифах, установлении цен, инфляции и контроле над такими продуктами, как уголь, каучук и хлопок, это существенно превысило бы изначально запланированный объем книги. Кроме того, как журналист, я очень хорошо знаю, насколько быстро статистические данные устаревают и заменяются новыми. Тем, кто интересуется конкретными экономическими проблемами, я бы посоветовал почитать нынешнее, «реалистичное» их обсуждение со статистической отчетностью: у вас не возникнет проблем с правильностью интерпретации статистики в свете базовых принципов, которые вы изучите на страницах этой книги.

Я постарался написать книгу простым языком, максимально избегая специальной терминологии, с разумной точностью, так, чтобы читатель, ранее не знакомый с экономикой, мог все понять.

Несмотря на то что эта книга писалась как одно целое, три ее главы уже напечатались как отдельные статьи. Я хочу поблагодарить главных редакторов *The New York Times*, *The American Scholar* и *The New Leader* за разрешение включить в мою книгу материалы, ранее опубликованные на страницах этих печатных изданий. Я также выражаю благодарность профессору фон Мизесу за прочтение рукописи и полезные советы. Ответственность за мнения, приведенные в книге, безусловно, лежит только на мне.

Г. Х.
Нью-Йорк
25 марта 1946 г.

Введение

«Мораль сей басни такова»

В долгосрочной перспективе ипотечные кредиты с госучастием не способствуют увеличению общего национального производства, а стимулируют неправильные вложения

Экономика в большей степени, чем любая другая известная человеку наука, связана с различными заблуждениями. И это не случайно. Имеющий дело с экономикой в любом случае столкнется с трудностями, но нужно учесть, что в данном случае они будут тысячекратно приумножены по причине одного нюанса, не столь важного, если говорить, например, о физике, математике или медицине. Он заключается в специфическом преследовании корыстных целей. Каждый участник большой экономической игры, как вы узнаете чуть позднее из этой книги, преследует интересы, противоречащие интересам остальных. При одной государственной политике в долгосрочной перспективе можно принести пользу всем участникам/группам экономического процесса, при другой – выгода достанется только определенной группе, а остальные – получают потери. Та группа, которая извлекла пользу от такой политики и имеет прямой к ней интерес, будет аргументировать свою позицию убедительно и настойчиво. Она наймет лучших специалистов, чтобы защищать свои интересы, убеждая широкую общественность в объективности своих доводов.

К такому бесконечному преследованию корыстных целей можно добавить еще один аспект, порождающий все новые и новые экономические заблуждения. Речь идет об уже установившемся тренде – видеть позитивные эффекты определенной политики на определенную группу людей, пренебрегая долгосрочными негативными последствиями этой политики не только для конкретной группы участников экономических процессов, но и для других людей.

Итак, это заблуждение заключается в игнорировании вторичных последствий. «Плохой» экономист увидит только то, что сразу бросается в глаза, тогда как хороший специалист, помимо краткосрочных показателей, обратит внимание и на «длинные». Плохой экономист учтет только прямые последствия того или иного политического курса, а хороший экономист попытается спрогнозировать и более отдаленные, а также побочные последствия. Плохой экономист выделит только, какой эффект та или иная политика произвела или произведет на одну конкретную группу людей, в то время как хороший постарается понять, как эта политика повлияет на все группы.

На первый взгляд разница очевидна. Оно и понятно – нужно быть осторожным и предусматривать все последствия конкретной политики. Это кажется прописной истиной. Мы знаем по собственному жизненному опыту, что, потакая своим желаниям, можно получить удовольствие в конкретный момент, на короткое время и губительные последствия в будущем. Если съесть слишком много конфет, то может затошнить, не так ли? Не знает ли выпивший много спиртного человек, что на следующее утро он проснется с неприятным состоянием в желудке и ужасной головной болью? Не понимает ли алкоголик, что разрушает печень и укорачивает свою жизнь? Не известно ли донжуанам, что они подвергают себя различным рискам – от шантажа до болезни? И разве бездельник и мот не отдает себе отчет в том, что праздный образ жизни ведет к долгам и нищете?

Когда речь идет не о личной (или бытовой) жизни, а про общественную экономику, эти простые закономерности игнорируются. Сейчас есть имеющие блестящую репутацию экономисты, которые выступают против сбережений, рекомендуя разбазаривание денег в государственных масштабах как новый путь спасения экономики. Эти специалисты легкомысленно отвечают на встречные обоснованные вопросы о серьезных последствиях такой политики в

долгосрочной перспективе, как сын-повеса бережливому отцу: «В долгосрочной перспективе мы все уже на тот свет попадем».

Трагедия заключается в том, что мы как раз уже страдаем от долгосрочных последствий политик далекого и недавнего прошлого.

Сегодня – это уже то «завтра», которое плохой экономист вчерашнего дня призвал нас проигнорировать.

Долгосрочные последствия некоторых экономических политик могут проявиться через несколько месяцев. Другие же могут не проявляться в течение нескольких лет. Есть и такие, которые могут не проявляться и десятилетиями. Но в каждом случае эти долгосрочные последствия – как будущая курица в яйце, как будущий цветок в семени. И с этой точки зрения всю экономику, а вернее, ошибки можно разобрать на одной лекции, а эту одну лекцию – сократить до одного предложения. *Экономика как искусство заключается в том, чтобы видеть не только немедленные эффекты, но также и долгосрочные последствия того или иного действия или политики и не только для одной группы участников экономического процесса, а для всех групп.*

Почти все заблуждения в экономике – результат игнорирования этого урока. Экономисты смотрят только на немедленные последствия и только для определенной группы, игнорируя другие.

Впрочем, правда и то, что есть вероятность и противоположной ошибки. При рассмотрении той или иной политики нельзя концентрироваться лишь на ее долгосрочных результатах по отношению к обществу в целом. Такую ошибку часто совершают классические экономисты. Это проявилось в определенной бессердечности по отношению к группам, которые сразу же пострадали от политики и событий, оказавшихся весьма полезными в долгосрочной перспективе.

Но сегодня сравнительно мало людей совершают такую ошибку, и это «мало» состоит главным образом из профессиональных экономистов. Сейчас практически в каждом разговоре на экономическую тему чаще встречается другой вводящий в заблуждение нарратив – сосредоточение на краткосрочных эффектах той или иной политики для избранной группы людей. Значение долгосрочных эффектов на общество в целом умалается.

«Новые» экономисты льстят сами себе, говоря, что это большой, почти революционный прогресс по сравнению с методами «классических», «ортодоксальных» экономистов, так как первые принимают во внимание краткосрочные эффекты, а последние их игнорировали. «Новые» упускают из виду целый лес в своем точном и подробном изучении отдельных деревьев.

Их методы и выводы зачастую глубоко реакционные. Иногда они удивлены тому, что, оказывается, действуют в соответствии с меркантилизмом XVII века, совершая на самом деле все ошибки прошлого (или совершали бы, не будь они столь непоследовательны), которые, как мы надеялись, классические экономисты раз и навсегда устранили.

Часто с грустью отмечают, что плохие экономисты представляют свои ошибки публике лучше, чем хорошие экономисты представляют ей правду. Часто жалуются, что демагоги лучше умеют внушать доверие, выдвигая с трибуны бредовые экономические тезисы. А честные люди, пытаясь показать, что с экономикой не так, оказываются недостаточно убедительными в глазах общества. Причина в том, что демагоги и плохие экономисты тоже показывают правду, но лишь наполовину. Они говорят только о немедленном эффекте той или иной политики или ее эффекте на определенную группу. Это и есть полуправда. Полная картина экономической ситуации может выглядеть иначе, представлять собой сложную цепь причинно-следственных связей, в которой обывателю не разобраться. Плохие экономисты используют это умственное бессилие и лень, уверяя аудиторию в том, что ей даже не нужно пытаться следовать

рассуждениям, или судят о ней по заслугам, говоря, что только «классицизм», или «невмешательство», или «капиталистическая апологетика», или какой-либо другой бранный термин может показаться аудитории эффективным.

Итак, мы в общих чертах сформулировали суть главного экономического урока, разоблачающего основные ошибки и заблуждения. Чтобы лекция была усвоена, проиллюстрируем ее практическими примерами. Благодаря этим кейсам мы сможем разобраться как в простейших экономических проблемах, так и в самых запутанных и сложных. С их помощью мы сможем научиться выявлять сначала самые грубые и очевидные заблуждения, а затем некоторые из наиболее неуловимых, чтобы потом не попадать в их ловушки.

Глава I

Разбитое окно

Три четверти населения нашей планеты обязаны машинам не только работой, но и жизнью

Давайте начнем с самого простого примера из возможных. Последовав примеру Бастиа¹, разберем случай с разбитым оконным стеклом.

Мальчишка бросает камень в окно пекарни. Выбегает разъяренный владелец, но парня уже не видать. Собирается толпа и с тихим удовлетворением глазееет на зияющую в окне дыру и осколки, разлетевшиеся по витринам с хлебом и пирогами. Через какое-то время у собравшихся возникает желание пофилософствовать. Несколько человек почти наверняка напомним остальным или пекарю, что в конце концов у этого злоключения есть и положительная сторона. Разбитое окно даст работу стекольщику. Как только эта мысль приходит в голову, люди начинают ее развивать. Сколько стоит новое оконное стекло? Двести пятьдесят долларов? Это будет немалая сумма. Хотя если бы оконные стекла никогда не бились, то чем бы тогда занимались стекольщики? У стекольщика появятся дополнительные 250 долларов, которые он потом потратит, а продавец, который, в свою очередь, получит их, потом также что-то купит на них, и так до бесконечности. Получается, что разбитое окно будет способствовать обеспечению деньгами и занятостью постоянно расширяющийся круг участников экономического процесса. Если рассуждать таким образом, то можно прийти к логичному заключению, что мальчишка, разбивший стекло камнем, далек от того, чтобы быть угрозой обществу, а, напротив, выступает его благодетелем.

Теперь давайте посмотрим на это происшествие с другой стороны. По крайней мере, в первом своем выводе люди из собравшейся возле пекарни с разбитым окном толпы были правы. Этот мелкий акт вандализма, прежде всего, обеспечит работу стекольщику. Узнав об этом инциденте, он огорчится не больше, чем гробовщик, которому рассказали о чьей-то смерти. Но владелец пекарни лишится 250 долларов, отложенных, к примеру, на новый костюм. Ему придется отказать себе в покупке костюма (или какой-нибудь другой равноценной потребности или роскоши), поскольку ему нужно будет заменить стекло в окне. Вместо окна и 250 долларов у него теперь будет только окно. И если он собирался купить себе костюм в тот же день, то теперь вместо окна и нового костюма ему придется довольствоваться только окном, без костюма. Так как этот булочник – равноправный член общества, то можно сказать, что общество потеряло новый костюм, то есть стало на один костюм беднее.

Словом, работа для стекольщика равносильна в данном случае отсутствию работы для портного.

Никакой новой «занятости» не добавилось. Люди из толпы думали только о двух участниках процесса – о булочнике и о стекольщике. Они забыли третьего потенциального участника – портного.

Они забыли о нем именно потому, что он не появился непосредственно в этой сцене. Через день или два они увидят новое окно. Но они уже никогда не увидят новый костюм на

¹ Французский экономист Фредерик Бастиа – сторонник свободной торговли, выступал за свободу предпринимательства. В своем эссе *Ce qu'on voit et ce qu'on ne voit pas* («Что видно и чего не видно») использовал метафору о разбитом окне (фр. *sophisme de la vitre cassée*, иногда переводится как «притча о разбитом окне»). По мнению Генри Хэзлитта, эта метафора иллюстрирует одно из распространенных заблуждений об экономике, а именно – что любая катастрофа может способствовать экономическому развитию.

булочнике, потому что его никогда не сошьет портной. Обыватели видят лишь то, что видно невооруженным глазом.

Глава II

Благо разрушения

Итак, метафора о разбитом окне экономически не состоятельна. Она ни что иное как заблуждение, которого, казалось бы, каждый мог избежать его, если немного поразмышлял. Но именно это заблуждение стало самым устойчивым в истории экономики. Сегодня оно угрожает обществу больше, чем когда-либо. Каждый день миф о благих экономических последствиях разрушения торжественно подтверждается промышленными магнатами, представителями торговых палат, лидерами профсоюзов, авторами первых газетных полос, обозревателями, комментаторами на радио и телевидении, профессорами экономики ведущих университетов мира, эрудированными аналитиками, использующими усовершенствованные методы. Все они, каждый по-своему, рассуждают о преимуществах разрушения.

Хотя для некоторых из них презрительно говорить о чистой прибыли от небольших актов разрушения, они видят практически бесконечные преимущества в разрушениях глобального масштаба. Например, они считают, что с экономической точки зрения пребывать в состоянии войны лучше, чем в состоянии мира. Они находят объяснение развязыванию войн как необходимое условие для достижения «чудес производительности». Они видят мир процветающим за счет «накопленного» или «усиленного» спроса. Это они радостно подсчитывали в Европе дома и целые города, сровненные после Второй мировой войны с землей, которые «нужно было заменить». В Америке они подсчитывали дома, которые не могли быть построены во время войны, нейлоновые чулки, которые не могли быть поставлены, изношенные автомобили и шины, устаревшие радиоприемники и холодильники. Они подсчитали громадные суммы.

Они имели дело со старым известным нам заблуждением о выгоде от разбитого окна, правда, уже в новом обличье, до неузнаваемости растолстевшем. На этот раз оно было подкреплено целым рядом родственных ему заблуждений.

В нем перепутались определения потребности и спроса.

Оно утверждает: чем разрушительнее война, чем больше она обедняет, тем выше послевоенная потребность. Несомненно. Но потребность и спрос не одно и то же. Эффективный экономический спрос предполагает не только потребность, но и соответствующую покупательную способность. Сегодня потребности Индии несравненно больше, чем потребности Америки. Но покупательная способность первой и, следовательно, возможности для развития «нового бизнеса» несравненно меньше.

Если не учитывать этот нюанс, есть вероятность попасть в ловушку еще одного заблуждения, за которое часто хватаются сторонники метафоры разбитого окна. Они думают о «покупательной способности» только с точки зрения денег. Сегодня можно производить деньги при помощи печатного станка². Пока я пишу эти строки, центробанки государств печатают деньги. Фактически печатание денег стало крупнейшей в мире отраслью промышленности, если производимую продукцию оценивать с точки зрения денег. Однако, чем больше денежная масса, тем больше деньги обесцениваются. А чем больше дешевеют деньги, тем больше дорожают товары. Но так как человечество настолько непреклонно в своей привычке думать, что богатство и доход связаны только с деньгами, то люди действительно начинают считать себя богаче,

² В 1971 году ведущие западные страны отказались от Бреттон-Вудской системы, в рамках которой курс национальных валют этих стран имел фиксированную привязку к золоту, что называлось золотым стандартом. После отказа от золотого стандарта, курс валют стал зависеть от спроса и предложения на валютных рынках. Это создало возможность выпускать дополнительные объемы валют – «включать печатный станок».

когда денежная масса увеличивается, несмотря на то что они уже не могут позволить себе купить того же, что раньше.

Большинство «хороших» результатов в экономике, которые в свое время были оценены как последствия Второй мировой войны, на самом деле объясняются инфляцией военного времени. Таких же показателей можно добиться с помощью инфляции и в мирное время. Мы вернемся к теме денежной иллюзии позже, а пока обсудим заблуждение об «усиленном» спросе. Оно так же, как и заблуждение, связанное с разбитым окном, правдиво только наполовину. Разбитое окно обеспечило стекольщика работой. Разрушения, произошедшие во время войны, также обеспечили работой производителей определенной продукции. Строительные компании получили новую работу – начали восстанавливать разрушенные дома и города. Невозможность во время войны выпускать автомобили, радиоприемники и холодильники породила кумулятивный послевоенный спрос *именно на эти товары*.

Многим в обществе казалось, что это свидетельствует об увеличении общего спроса, как это отчасти было *с обесценившимися долларами*. А на самом деле это было *отклонение* спроса в сторону товаров, указанных выше. Европейцы строили особенно много домов, потому что должны были это делать. Но чем больше домов они строили, тем меньше рабочей силы и производственных возможностей у них оставалось на все остальное. Когда они покупали себе жилье, у них не оставалось денег на что-то еще. Если уровень производства рос в одной отрасли, то, соответственно, он снижался в другой (за исключением тех случаев, когда производственная энергия возникает из острой потребности).

Словом, война изменила направление производственных сил. Она изменила баланс отраслей и структуру промышленности.

После окончания Второй мировой войны в Европе произошел стремительный «экономический рост», причем, как в пострадавших от войны странах, так и в не пострадавших. Наиболее экономически пострадавшие от войны государства, например, Германия, развивались быстрее таких, как Франция, которая пострадала от войны намного меньше. С одной стороны, так происходило потому, что Западная Германия придерживалась более разумной экономической политики. С другой стороны, потому, что отчаянная потребность вернуться к нормальным жилищным условиям и потребность в общем улучшении качества жизни стали стимулом к небывалому подъему рабочей силы. Но это не означает, что разрушение собственности является благом для того, кому эта собственность принадлежит. Никто не захочет поджечь свой дом, рассчитывая на то, что необходимость впоследствии восстановить его придаст человеку энергии.

После войны, как правило, на какое-то время происходит подъем рабочей силы. В начале знаменитой третьей главы *«Истории Англии»* Маколей указывает:

«Никакая обыкновенная неудача, никакая заурядная ошибка в управлении не могут причинить нации столько несчастий, сколько блага нации способен дать постоянный прогресс в плане физических знаний и постоянное стремление к самосовершенствованию. Часто обнаруживалось, что обильные расходы, большие налоги, абсурдные торговые ограничения, коррумпированные суды, разрушительные войны, мятежи, преследования, пожары, наводнения не могут разрушить капитал быстрее, чем он создается усилиями граждан».

Никто не захочет, чтобы его собственность была разрушена как в военное, так и в мирное время. То, что наносит вред и разрушение отдельно взятому человеку, также наносит вред и разрушение множеству лиц, которые объединены в нацию.

Многие из наиболее часто встречающихся заблуждений в экономике – следствие склонности (особенно характерной для нашего времени) мыслить такими абстрактными понятиями как «коллектив», «нация» и забывать или игнорировать при этом отдельно взятых людей, кото-

рые их составляют и придают им смысл. Можно ли считать военные разрушения экономически выгодными, если в первую очередь думать о людях, лишившихся своих домов?

Те, кто продвигает мысль, что военные разрушения увеличивают общий «спрос», забывают о том, что спрос и предложение – это всего-навсего две стороны одной медали. Предложение создает спрос, так как оно, по правде говоря, *и есть* спрос. Товар, выпускаемый производителем, является тем, что он имеет и что он может предложить в обмен на то, что он хочет.

Например, пшеница, которую предлагают фермеры, является их же спросом на автомобили и другие товары. Это является неотъемлемым признаком современного разделения труда и экономики обмена.

Хотя этот основополагающий факт не очевиден для большинства людей (включая даже тех, кто имеет репутацию блестящих экономистов). Джон Стюарт Милль³ и другие классические авторы видели, что скрывалось за «денежной завесой», несмотря на то что иногда и им не удавалось учесть сложные последствия применения денег. В этом смысле они опережали многих своих сегодняшних критиков, которые, скорее сбиты с толку деньгами, чем научены ими. Простая инфляция – то есть простое печатание денег, впоследствии вызывающее рост зарплат и цен, – может показаться причиной увеличения спроса. Но, учитывая фактические объемы производства и обмена реальных товаров, так считать нельзя.

Очевидно и то, что реальная покупательная способность уменьшается за счет сокращения производительных сил. А влияние денежной инфляции на рост цен или «национального дохода» в денежном выражении – ловушка очередного заблуждения.

Иногда говорят, что немцы или японцы после войны оказались в более выгодном положении, чем американцы, поскольку им пришлось на месте старых заводов, уничтоженных бомбами, построить новые, уже с более современным оборудованием. Это, мол, им позволило, производить большее количество товаров по меньшей цене, чем могли американцы с их полуустаревшими заводами и оборудованием. Но если бы в этом действительно заключалось преимущество, то американцы могли бы с легкостью компенсировать свое отставание, незамедлительно разрушив свои старые заводы и выбросив все старое оборудование. По логике вещей производители во всем мире могли бы каждый год ломать свои старые заводы и оборудование, возводя на их месте новые заводы и устанавливая новое оборудование.

Простая истина заключается в том, что существует оптимальная частота и оптимальное время для технического обновления. Для производителя будет выгодно, если его завод и оборудование уничтожит бомбежка только в том случае, если в результате износа и устаревания его завод и оборудование уже приобрели нулевую или негативную стоимость. Бомба упадет как раз тогда, когда он в любом случае должен будет вызвать бригаду по сносу зданий или заказать новое оборудование.

Действительно, предшествующие износ и устаревание, если они не были точно отражены в бухгалтерских отчетах, могут смягчить последствия разрушения завода для его владельца в чистом остатке. Верно и то, что появление новых заводов и оборудования ускоряет процесс устаревания уже имеющихся заводов и оборудования. Если владельцы старых заводов и оборудования будут использовать их дольше, чем это будет приносить им прибыль, то смогут оказаться в сравнительно выгодном положении (если у них будут желание и деньги, чтобы заменить их новыми). Точнее говоря, они смогут сократить свои сравнительные потери.

³ Английский философ и экономист. Основные идеи Милля изложены в его труде «Принципы политической экономии и некоторое их приложение к социальной философии» (1848 г.). Милль был сторонником как социальных реформ, так и свободного предпринимательства и полагал, что государственная политика перераспределения доходов способна улучшить материальное благосостояние людей. Ученый был первым, кто выдвинул идею о том, что отсутствие у людей возможности получить образование приводит к появлению в обществе неконкурентоспособных групп населения, заработная плата которых значительно ниже по сравнению с другими категориями работников.

Итак, уничтожение заводов не является выгодным для их владельцев, за исключением тех случаев, когда эти заводы уже потеряли свою ценность или приобрели отрицательную стоимость в результате износа и устаревания.

Кроме того, отдельно взятый человек (или социалистическое правительство) не может заменить завод и оборудование, если у него нет приобретенных сбережений или накопленного капитала. Война как раз уничтожает накопленный капитал.

Правда, существуют компенсирующие факторы. Технологические открытия и достижения военного времени могут, например, увеличить индивидуальную или общественную производительность труда в той или иной отрасли, и это может вызвать рост производства в целом. Но послевоенный спрос никогда с точностью не воспроизведет структуру довоенного спроса. Какими бы ни были компенсирующие факторы, разрушение никогда не может быть благом. Более того, беспричинное разрушение чего-либо, что представляет собой реальную ценность, всегда является чистой потерей, несчастьем или катастрофой.

Глава III

Социальные проекты подразумевают налоги

1

Нет в наше время более стойкой и серьезной веры, чем вера в государственные расходы. Повсюду государственные расходы преподносятся как спасительное решение всех экономических проблем. Частный сектор промышленности частично в застое? Кто, если не государство поможет ему. Безработица? «Очевидно», виной тому «недостаточная частная покупательная способность». Средство так же «очевидно». Государству необходимо достаточно потратить.

Огромное количество экономической литературы основано на этом заблуждении. Как часто бывает с подобного рода псевдотеориями, оно стало частью разросшейся замысловатой сети заблуждений, поддерживающих друг друга. В одной главе мы не сможем раскрыть ее полностью, поэтому позже вернемся к другим ее ветвям. А пока рассмотрим источник, породивший целое «потомство».

За все, что мы имеем, за исключением природных благ, нужно тем или иным образом платить. Мир полон так называемых экономистов, которые постоянно изобретают схемы получения чего-то из ничего. Они говорят нам о том, что правительство может тратить и тратить и при этом совершенно не облагаться налогами. А еще, что оно может продолжать накапливать долги и не погашать их, ведь «мы берем займы у самих себя». Мы вернемся к теме таких странных доктрин в последующих главах. Сейчас нам следует быть категоричными и указать, что в прошлом эти приятные мечты всегда развеивались именно по причине государственной неплатежеспособности или безудержной инфляции. Здесь нужно сказать, что все государственные расходы в конце концов должны быть оплачены из доходов от налогообложения и что сама по себе инфляция – следствие неправильной формы налогообложения.

Систему заблуждений, касающихся хронических государственных займов и инфляции, мы рассмотрим позже, а в этой главе предлагаю принять само собой разумеющимся, что каждый доллар из правительственных расходов поступает в государственную казну с налоговых отчислений. Как только мы посмотрим на ситуацию с этой позиции, предполагаемые чудеса государственных расходов предстанут перед нами в ином свете.

Некоторое количество государственных расходов, конечно, необходимо для выполнения важных государственных функций. Определенное количество работ – на улицах и дорогах, на мостах и в тоннелях, на оружейных заводах и военно-морских верфях, в области строительства зданий для законодательной власти и зданий вообще, зданий для отделений полиции и пожарных частей – необходимо для предоставления необходимых социальных услуг. В данном случае я не имею в виду общественные работы, которые существуют ради самих себя. Я говорю о тех видах общественной деятельности, которые рассматриваются как средства «предоставления занятости» или обогащения социума.

Вот, например, построен мост. Если он построен для удовлетворения устойчивого общественного спроса с целью решить прежде неразрешимую транспортную проблему, словом, если налогоплательщики коллективно нуждаются в мосте больше, чем в тех товарах, на которые они могли бы потратить деньги, изъятые у них в виде налогов, тогда не может быть никаких возражений. Но мост, построенный в первую очередь для «обеспечения рабочими местами», – это уже совсем другой мост. Когда обеспечение занятости становится главной целью, потребность отходит на второй план.

И тогда «проекты» начинают придумываться государством. Вместо того чтобы строить мосты там, где они должны быть построены, правительственные транжиры возводят их, где можно.

Дополнительный мост между Истоном и Уэстоном становится совершенно необходимым, даже если у американских чиновников нет аргументированных доводов в пользу его строительства. А с теми, кто сомневается в такой необходимости, расправляются как с обструкционистами и реакционерами.

Два аргумента выдвигаются в пользу моста: первый, в основном, приводят еще до начала строительства, второй – после завершения. Первый довод сводится к обеспечению занятости. Строительство этого моста даст, скажем, 500 рабочих мест на один год, а не будь проекта – и рабочих мест просто не было бы.

Это то, что лежит на поверхности. Но если смотреть дальше и видеть еще и побочные последствия, анализировать ситуацию не только как выгодоприобретатель, но и с позиции участников экономического процесса, получивших «побочку» от проекта, то картина представится совершенно иной. Определенная группа «мостовиков» сможет получить больше работы, чем в другое время. Но источник финансирования проекта – налоги. Значит, каждый доллар, потраченный на мост, – это доллар, полученный от налогоплательщика. Если строительство моста будет стоить 10 млн долларов, то и налогоплательщики потеряют ровно столько же – 10 млн долларов. А что если налогоплательщики могли бы потратить эти деньги на что-то действительно необходимое?

Из-за одного созданного государством рабочего места для строительства моста теряется одно частное рабочее место в какой-нибудь другой сфере. Мы видим рабочих, занятых строительством моста. Мы видим, как они работают. Доводы, приводимые расточителями государственной казны, становятся очевидными и, наверное, для большинства населения, убедительными. Но есть вещи, которые мы не видим, поскольку они увя, не реализовались. В данном случае речь идет о рабочих местах, не созданных из-за потери 10 млн долларов, изъятых у налогоплательщиков. Чем больше мостовиков, тем меньше автомехаников, портных, фермеров.

Доводы правительственных чиновников – для людей, способных видеть только то, что перед глазами. Эти люди обращают внимание только на мост, упуская его «побочные» следствия в виде так и не реализовавшихся возможностей. Например, не построенные дома, невыпущенные автомобили и стиральные машины, несшитые платья и пальто, а также, вероятно, не выращенные сельхозкультуры, неприготовленные продукты питания. Чтобы увидеть эти произведенные товары, нужно обладать определенным мышлением, которое имеется не у многих. Мы можем однажды подумать об этих несозданных товарах, но вряд ли получится удерживать мысль о них также долго, как мост, мимо которого мы проходим каждый рабочий день.

2

Разумеется, «правительственным языком» можно аргументировать обоснованность любых других социальных проектов. Это применимо к программе строительства жилья для людей с низкими доходами за счет государственных средств. А на самом деле – за счет налогообложения семей с высоким достатком (и, возможно, семей с еще меньшими доходами), вынужденных субсидировать избранных правительством для участия в соцпрограмме семей, чтобы они могли жить в лучших жилищных условиях за ту же или еще меньшую плату, чем до этого.

Я не буду перечислять все «за» и «против» государственного жилищного строительства. Покажу ошибочность только двух аргументов, чаще всего приводимых в его пользу. Первый – про «обеспечение занятости», а второй – про «создание богатства». Оба этих довода ложны, так как в них не учтены потери из-за налогов, которые взимаются для реализации госпрограммы жилищного строительства. Сколько рабочих мест создается в строительном деле, столько и теряется в других отраслях. Сколько квартир строится в рамках этой программы, столько не будет построено частных домов, выпущено стиральных машин и холодильников.

Дискуссия о том, как финансировать программу – ежегодными субсидиями или единовременно, – не меняет сути проекта. В любом случае деньги будут выделены из налоговых поступлений в бюджет. Используют ли средства налогоплательщиков сразу или распределят на несколько лет – всего лишь техническая деталь.

Психологическое преимущество сторонников государственного жилищного строительства в том, что процесс его реализации и конечный результат можно наблюдать: видно и как работают строители, и какие построены дома. Люди живут в них и с гордостью демонстрируют друзьям свои квартиры. Сложно «увидеть» нереализованные рабочие места, товары и услуги, которые не были произведены и предоставлены, на месте, где высятся новые построенные дома с счастливыми жильцами внутри. Один из персонажей пьесы Бернарда Шоу «Святая Иоанна» в ответ на упоминание гипотезы Пифагора о том, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца сказал: «Полный дурак! У него, что, глаз не было?»

Те же рассуждения можно применить и в отношении таких великих проектов, как «Администрация долины Теннесси»⁴. Масштабы этого проекта вызывают опасную «оптическую иллюзию». Могучая плотина, громадная арка из стали и бетона, «величественнее всего, что когда-либо было построено частным капиталом», фетиш фотографов, рай социалистов, чаще всего используемый символ чуда государственного строительства, собственности и управления. Здесь находятся мощные источники энергии и электростанции. Говорят, если бы ни проект, регион не поднялся бы на более высокий экономический уровень и вряд ли смог бы привлечь инвестиции в заводы и отрасли. Сторонники этого проекта в своих хвалебных речах представляют его как чистую экономическую выгоду без противовесов.

Не будем углубляться в достоинства «Администрации долины Теннесси» и других проектов, подобных этому, а попробуем увидеть обратную сторону медали.

Если налоги взимаются с людей и корпораций и полученные деньги направляются на развитие определенного региона, то стоит ли удивляться и считать чудом экономический подъем и обогащение этого региона?

⁴ Проект «Администрации долины Теннесси» был инициирован в 1933 году в США. Он был одной из составных частей политики «Нового курса» президента США Франклина Рузвельта, направленных на борьбу с последствиями Великой экономической депрессии и восстановление экономики страны. В рамках проекта была построена одна из крупнейших ГЭС в США. Дешевая электроэнергия позволила ускорить экономический рост в одном из наиболее пострадавших от Великой экономической депрессии штате – Теннесси, а также создать значительное количество рабочих мест, что позволило снизить безработицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.